Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.А. Чистович

Идея бессмертия в древне-греческой философии и в христианском мировоззрении

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 5. С. 775-790.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИДЕЯ БЕЗСМЕРТІЯ

въ древне-греческой философіи и въ христіанскомъ міровоззрѣніи.

(Нѣсколько словъ, сказанныхъ профессоромъ И. А. Чистовичемъ на диспутѣ 11 апрѣля 1871 г. передъ защищеніемъ докторской диссертаціи: Древне-греческій міръ и Христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка).

Предметъ, которому я посвятилъ мое изслѣдованіе, принадлежитъ одинаково научной и практической области. Вопросъ о безсмертіи и будущей жизни одинъ изъ тѣхъ коренныхъ вопросовъ, къ которымъ обращаются одинаково сердце и разумъ, вѣра и мыслящее сознаніе. Изъ этихъ двухъ сторонъ я могъ взять только одну *научную*. Но и въ научной сферѣ мое изслѣдованіе не есть ни психологическій трактатъ о безсмертіи, ни изложеніе богословско-догматическаго ученія о будущей жизни человѣка, но есть изслѣдованіе идеи безсмертія, какъ историческаго факта, изслѣдованіе о ея происхожденіи, о различныхъ формахъ ея выраженія въ древнемъ до-христіанскомъ мірѣ и наконецъ о той заключительной формѣ, какую оно получило въ христіанствѣ.

Показавши мою точку зрѣнія на предметъ, я прошу позволенія въ коротенькомъ очеркѣ изъяснить

тѣ основныя мысли, около которыхъ вращается мое изслѣдованіе.

1) Что касается до происхожденія идеи безсмертія въ смыслѣ историческаго факта или явленія, то отыскивая его мысль невольно обращается къ Востоку, который вообще можетъ быть названъ страною начала, почина.

Въ Европѣ, странѣ сравнительно новой, все (по-крайней мѣрѣ въ элементарныхъ формахъ) идетъ съ Востока. Съ Востока идутъ религіи, съ Востока идутъ языки и зачатки культуры. Прежде чѣмъ загорѣлось образованіе на Западѣ, Востокъ уже имѣлъ за собою цѣлые вѣка умственной жизни. Греки, которые первые явились на исторической сценѣ Запада,—народъ сравнительно молодой въ отношеніи къ прошедшимъ вѣкамъ жизни Востока. Гомеръ, древнѣйшій греческій поэтъ, по общепринятому мнѣнію, не старше IX вѣка до Р. Х. Что это за древность передъ Востокомъ! Научныя изслѣдованія показали, что древнѣйшая Восточная культура была и широка и разнообразна. Области Турана и Ирана, потомъ область Инда и Ганга, страны при-эвфратскія въ Азіи и наконецъ страна пирамидъ были странами древнѣйшихъ цивилизацій, въ которыхъ развились древнѣйшія формы религіи и поэзіи, развилась наука въ ея разнообразныхъ направленіяхъ и примѣненіяхъ, развились искусство въ своеобразныхъ формахъ, техническія свѣдѣнія, относящіяся къ разнымъ областямъ жизни. Но эти цивилизаціи не составляютъ основы для европейской, ближайшимъ образомъ греческой цивилизаціи, не составляютъ историческаго момента въ ея развитіи. Нельзя сказать, что греки подвинули

впередъ, развили дальше Восточную цивилизацію: они развили *свою*, которая носитъ совсѣмъ другой типъ, имѣетъ другой складъ. Безъ сомнѣнія они соприкасаются съ нею въ первоначальное время и въ первоначальныхъ формахъ своего до-историческаго быта, потому что они пришли съ Востока и оттуда принесли первоначальныя формы ихъ быта и понятій, религію и языкъ: но эти формы относятся къ до-исторической эпохѣ, къ дѣтству греческаго народа. Въ этомъ отношеніи всѣ народы имѣютъ много общаго между собою, родственныя черты, которыя указываютъ на единство или взаимное соприкосновеніе ихъ въ древности. Но эти связи намъ почти не извѣстны. Онѣ рушились, порвались очень давно, судя по тому, на примѣръ, что выдѣленіе грековъ и италійцевъ отъ главнаго Арійскаго племени совершилось, какъ полагаютъ, за три тысячи лѣтъ до Р. Х. еще въ ту пору, когда индійскіе арійцы жили вмѣстѣ съ зендами, родоначальниками иранцевъ. За тѣмъ уже самыя первыя, сознательныя, историческія проявленія ихъ жизни носятъ другой отпечатокъ, развились изъ ихъ собственнаго духа и существенно розняться отъ Восточныхъ.

Въ ту же пору, когда сношенія греціи съ Востокомъ возстановились и дѣлаются исторически-извѣстными, именно около VII в. передъ Р. Х., Западъ стоялъ уже несравненно выше Востока. Поздняя легенда заставляетъ древнихъ мудрецовъ и философовъ — Пиѳагора, Платона, Демокрита, Солона—учиться на Востокѣ; но она не имѣетъ за собою исторической достовѣрности. Сами восточные въ ту пору, на примѣръ, во время Платона, считали греческое образо-

ваніе новымъ. Одинъ египетскій жрецъ, въ Платоновомъ діалогѣ—говоритъ Солону: «Вы греки всегда останетесь дѣтьми; старикомъ грекъ никогда не бываетъ. И когда Солонъ спросилъ, что онъ подъ этимъ разумѣетъ, тотъ отвѣчалъ: вы всѣ люди новые, потому что не имѣете никакихъ старыхъ преданій, никакой древней мудрости, никакого отъ времени посѣдѣвшаго знанія, (Timaeus 22 B.)

Востокъ имѣлъ вліяніе на Западъ, на европейское образованіе, но уже позже и только одною стороною. Я разумѣю тѣ элементы, которые вошли въ христіанское образованіе изъ іудейства, хотя при этомъ долженъ сказать, что христіанство не было ни продолженіемъ, ни видоизмѣненіемъ іудейства, но развило сѣмена жизни совершенно новой. Такимъ образомъ, даже допуская, что на Востокѣ были какія бы-то ни было представленія о будущей жизни, я не видѣлъ побужденія къ изслѣдованію ихъ, такъ какъ они не имѣли вліянія на движеніе религіозной и философской мысли европейскихъ народовъ и стало быть остались за предѣлами исторіи.

2) Обращаюсь къ грекамъ. На полуостровѣ Греціи, который такъ малъ, что если даже присоединить всѣ острова, то получится площадь на одну треть меньше нынѣшняго королевства Португаліи, развилась первая западная, европейская цивилизація. Здѣсь мы видимъ совсѣмъ другой складъ ума и понятій, нежели на Востокѣ. Я не буду входить въ разсмотрѣніе причинъ этого различія. Для меня важно указать только на то, что здѣсь развились важнѣйшія понятія и учрежденія, сдѣлавшіяся элементами европейской цивилизаціи. Заслуга Греціи велика

во всемъ—въ религіи и философіи, въ искусствѣ и политикѣ. Изученіе ихъ не есть изученіе только первыхъ, нетвердыхъ шаговъ европейской жизни, незрѣлыхъ плодовъ европейской мысли: это есть изученіе перваго, сохраняющаго значеніе до сихъ поръ, типа европейской цивилизаціи, изученіе проявленій духовнаго творчества, до сихъ поръ и всегда родственныхъ европейскому духу.

Существенное, что отличаетъ греческую цивилизацію отъ азіятской, это развитіе *индивидуальности*, развитіе *личности*.

На Востокѣ лицо порабощено было, можно сказать даже поглощено было *общимъ* принципомъ, выражавшимся въ разныхъ формахъ—правительственнаго и жреческаго деспотизма, кастоваго раздѣленія, патріархализма съ святынею древнихъ обычаевъ, теократіи, и другихъ,—и охватывавшимъ жизнь на всѣхъ путяхъ, со всѣхъ сторонъ. Деспотизмъ этого принципа оковывалъ мысль, отрицалъ всякое движеніе, всякое развитіе и держалъ жизнь въ оцѣпененіи. Послѣдствіемъ его былъ фатализмъ, безучастное отношеніе къ жизни, роковое довольство тѣмъ, что посылаетъ судьба, безъ жалобы на свое состояніе и безъ надежды на перемѣну къ лучшему. Греція выдвинула и развила другой, противоположный принципъ, принципъ *индивидуальности*, личной свободы. Начало индивидуальности обезпечиваетъ движеніе мысли, движеніе—борьбу, борьба—свободу и прогрессъ. Западъ и Востокъ въ этотъ смыслѣ обозначаютъ собою не только географическія положенія, но и различныя степени культуры. Страна отходитъ отъ Востока или приближается къ Западу по мѣрѣ того,

какъ она развиваетъ въ себѣ принципъ личной свободы. При господствѣ этого принципа каждая даровитая личность вноситъ въ общее движеніе свои элементы; каждая старается отстоять свою независимость и нравственную самостоятельность противъ другихъ. Создаются разные типы, выступаютъ новыя формы, новыя начала; одинъ идеи смѣняются другими и жизнь постоянно обновляется притокомъ свѣжихъ силъ. Этимъ принципомъ, этою могучею основою цивилизаціи европейскій Западъ обязанъ Греціи.

Но Греція выработала его не вдругъ. Въ древнѣйшихъ своихъ формахъ греческая жизнь также примыкаетъ къ Востоку—своей родинѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Она должна была пройти, пережить ту ступень, на которой остановился Востокъ. Греки долго и много поработали надъ собою до тѣхъ поръ, пока не выработали понятій, сдѣлавшихся съ тѣхъ поръ общимъ достояніемъ образованной Европы. Для насъ, въ отношеніи къ нашему вопросу, любопытно взглянуть, какъ совершился этотъ процессъ въ сферѣ религіи и философіи.

Древнѣйшею религіею Грековъ было обоготвореніе грубой силы природы. Уранось и за нимъ Кронось—это суровые и жестокіе боги *природы*, представители темной силы, которая не только не терпитъ никакого сопротивленія, но не допускаетъ никакого отдѣльнаго существованія и уничтожаетъ свои порожденія вслѣдъ за ихъ появленіемъ на свѣтъ. Это—Востокъ во всей формѣ. Это—индійскій богъ Майя, играющій отдѣльными жизнями, какъ мыльными пузырями. Родись и умри, и въ уничтоженіи получи наказаніе за непозволенныя радости отдѣльнаго бытія. Въ древне-гре-

ческой философіи Анаксимандра, Ксенофана и Элейцевъ видимъ тоже явленіе. Существуетъ только *одно*, какъ высшій законъ, одно имѣющее право на бытіе: всякая множественность, всякая отдѣльная жизнь есть вражда противъ одного и должна погибнуть, и въ этомъ потерпѣть наказаніе за неправды личнаго бытія. Но свѣтлое греческое чувство не могло перенесть этого взгляда на жизнь, уничтожающаго всѣ радости жизни. Припомните хотьтого же Ксенофана Колофонскаго, какъ онъ не могъ переварить своего принципа и всю долголѣтнюю жизнь мыкался по Геллядѣ, какъ чужой въ греческомъ мірѣ; припомните его болѣзненный стонъ: «куда ни посмотрю, все стягивается въ одно». Греческая жизнь объявила войну этому принципу и, хотя съ тяжелымъ, болѣзненнымъ процессомъ, освободилась наконецъ отъ этого, какъ бы чуждаго ему, міровоззрѣнія, свергла тяготѣвшее надъ нимъ иго, отвергла безсердечнаго Бога, который даетъ жизнь, но не даетъ счастья своимъ твореніямъ, своимъ порожденіямъ. Древній миѳъ говоритъ, что когда всепожирающій Кроносъ или Сатурнъ родилъ Зевса и хотѣлъ проглотить его, мать подсунула ему камень, а Зевса скрыла и воспитала тайно на островѣ Критѣ. Онъ объявилъ войну отцу, съ помощью титановъ низвергъ его съ престола и съ тѣхъ поръ тираническое владычество Кроноса кончилось; наступило царство Зевса и Олимпійцевъ, господство политеизма, господство *индивидуальности* въ религіи, въ правительственной и соціальной жизни, въ философіи и искусствѣ. Началось гомеровское время. Въ чувствѣ этой побѣды греки не знаютъ мѣры своимъ радостямъ. Они ликуютъ какъ юноши, вышедшіе изъ-подъ грозной и

ненавистной опеки. Поэзія Гомера, первое проявленіе свободнаго греческаго духа, дышетъ ясностью весенняго утра, свѣжею зеленью полей, сбросившихъ ледяные покровы. Это радость, съ которою ничто не можетъ сравниться и которая имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Религія Зевса, веселая, открытая, истинно-греческая, вполнѣ соотвѣтствовала этому настроенію. Боги Олимпа шутили, рѣзвились, наслаждались жизнію какъ люди; люди слѣдовали примѣру боговъ и геллеиская жизнь проходила, какъ веселый пиръ.

Но въ ту пору, какъ олимпійскіе боги пировали въ безпечности, явились соперники имъ. О-бокъ съ религіею Зевса и можно сказать въ нѣдрѣ ея появились тайныя религіозныя общества, образовались тайные культы и эти-то культы были и назывались *мистеріями*, таинствами. Появленіе ихъ относится къ промежутку времени между Гомеромъ и Перендскими войнами, къ срединѣ этого періода, около времени зарожденія греческой философіи.

Время, въ которое они появились, имѣетъ чрезвычайное значеніе въ греческой жизни, хотя о немъ существуютъ различныя мнѣнія. По взгляду однихъ это время, въ которое греческая жизнь подпала подъ чуждыя, именно восточныя вліянія; ровный и свѣтлый потокъ греческой жизни принялъ въ себя новые элементы, чуждые греческому сознанію, такъ что это время было временемъ упадка греческой жизни, помраченія греческаго духа. Мистеріи были восточными религіями, внѣшнимъ образомъ перенесенными на греческую почву. Они скрывались, потому что были чужія; но мало по малу овладѣвали полемъ и наконецъ

разлились по всей Греціи. Въ болѣе облагороженной формѣ взглядъ этотъ видоизмѣнился тѣмъ, что на мистеріи стали смотрѣть какъ на хранилища древнихъ преданій. Хотя они пришли въ Грецію съ Востока, но принесли съ собою древнія понятія, древнія истины о Богѣ и безсмертіи. Философія потомъ не выдумала этихъ истинъ, но заимствовала ихъ именно изъ тайнаго ученія мистерій. Этотъ взглядъ имѣлъ на своей сторонѣ такого знаменитаго символиста, какъ Крейцеръ. Изъ нашихъ соотечественниковъ раздѣлялъ его покойный графъ Уваровъ. Между тѣмъ наука выработала другой взглядъ на мистеріи и на время появленія ихъ въ Греціи, состоящій въ томъ, что разсматриваемое время послѣ Гомера до VII вѣка передъ Р. Х. было временемъ зарожденія величайшихъ понятій греческой мысли о божественномъ происхожденіи и духовной природѣ души, ея паденіи и необходимости искупленія; что эти понятія развились въ мистеріяхъ, но не вошли въ нихъ традиціоннымъ путемъ; что мистеріи были именно носителями этихъ понятій, откуда они перешли и въ философію; что они составляли для грековъ переходъ изъ дѣтства въ вѣкѣ просвѣщенія къ философіи, и были какъ бы философіею въ сферѣ или въ оболочкѣ религіи. Слѣдовательно и время это есть моментъ, и притомъ важнѣйшій, собственно греческой жизни, начало того движенія, которое приняло потомъ такіе широкіе размѣры.

Конечно мистеріи были протестомъ противъ народной вѣры. Усиленіе тайныхъ культовъ ясно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ и, слѣдовательно, о недостаточности религіи Зевса. Причину этой недостаточности угадать не трудно. Существеннымъ элементомъ

греческой религіи была чувственность; культы подняли господство духа и нравственнаго порядка. Пиръ чувственности не можетъ идти дальше этой жизни: культы противопоставили ей будущую жизнь, какъ цѣль для земной жизни. Вотъ въ чемъ состоитъ достоинство и заслуга мистерій. Такимъ образомъ впервые идея безсмертія возникла не въ нѣдрѣ народной религіи и не въ философскомъ мышленіи, но въ мистическихъ культахъ. По этому, если они и составляютъ упадокъ религіи въ ея опредѣленной формѣ, то въ то же время составляютъ торжество и являютъ силу греческаго духа, который возвелъ въ нихъ свое религіозное міровоззрѣніе на несравненно болѣе высокую ступень. Ошибочно было бы сказать, что они, какъ и философія впослѣдствіи, разрушали религію. Они отрицали старыя, отжившія формы, точно также, какъ юность отрицаетъ дѣтство, какъ мужескій возрастъ отрицаетъ юность. Они переводили мышленіе и чувство въ зрѣлый возрастъ пониманія и были выраженіемъ этого возраста и этой степени пониманія.

3) Ѳеологическое мышленіе, развившееся въ мистическихъ культахъ, было толчкомъ для мышленія философскаго. Первые философы почти сплошь примкнули къ мистеріямъ, но повели дѣло еще дальше. Философія уже имѣла передъ собою широкое и глубокое нравственное міровоззрѣніе. Важнѣйшія идеи, выработанныя греческимъ духомъ въ сферѣ религіи, проникли и въ философію и сдѣлались основою философскаго мышленія. Это—идеи божественнаго происхожденія души и паденія; взглядъ на жизнь, какъ на поприще и подвигъ очищенія и возстановленія первобытной чистоты; отсюда—идеи нравственнаго порядка;

и наконецъ идея безсмертія, какъ возвращенія души въ прежнее состояніе и возмездія за дѣла этой жизни. Такъ вопросъ о безсмертіи перешелъ изъ области религіозной въ область философіи.

Но усвоить догматъ религіозной вѣры философскимъ мышленіемъ, перевесть содержаніе религіознаго сознанія въ форму понятій—дѣло не легкое. Истина передъ очами; ее уже приняли вѣра и чувство; но *понять* ее, ввести въ формы мыслящаго сознанія—дѣло не легкое. И какъ часто истина по видимому отвергается, тогда какъ она вовсе не отвергается, а только не поддается объясненію, не укладывается въ разсудочныя формы.

Прежде всего ясно, что философія могла говорить о безсмертіи только тогда, когда человѣкъ выдѣленъ изъ всего остальнаго міра, какъ особое существо, которое имѣетъ особливую нравственную природу, когда онъ пересталъ быть только вещью между вещами; стало быть, когда въ немъ подъ чувственною оболочкою открыто начало, отличное отъ природы, начало, которое мы называемъ духомъ. Если можетъ быть рѣчь о безсмертіи, то только подъ условіемъ духа или о безсмертіи духа. Но идея духа появилась въ философіи не вдругъ. Въ древней философіи не было духа, ни въ формѣ конечнаго человѣческаго, ни въ формѣ безконечнаго божественнаго духа. Это не значитъ, что философія ихъ отрицала, но значитъ только, что философія не дошла до понятія о духѣ. Какъ же она изъясняла явленія, которыя мы производимъ отъ духа божественнаго и человѣческаго? Чѣмъ былъ для нея Богъ? Не отдѣльнымъ, надъ-мірнымъ существомъ, но частью, жизнью міра, или—порядкомъ, закономъ міра,

умственнымъ представленіемъ міровой законосообразности. Сообразно съ этимъ и то, что мы называемъ человѣческимъ духомъ, было не отдѣльнымъ существомъ въ человѣкѣ, но частью міра или, въ менѣе грубой формѣ, идеею порядка въ человѣческой жизни. У Ѳалеса онъ есть вода, у Анаксимена воздухъ, у Гераклита—часть огненной сущности, разлитой въ мірѣ. Слѣдовательно духъ божественный и человѣческій сливаются съ общею жизнію міра и какъ бы разлиты въ мірѣ. Наша разумность находится въ тѣсной зависимости отъ общей разумности міра, т. е. отъ міроваго огня. Когда наши чувства открыты для принятія его, то мы становимся разумными; когда разобщаемся съ нимъ, закрываемъ чувства какъ двери, то въ насъ погасаетъ разумный огонь. Ясно, что тутъ не могло быть и рѣчи о безсмертіи духа, потому что такого существа не было. За тѣмъ начинается въ философіи процессъ, такъ сказать, образованія духа, т. е. образованія понятія о духѣ, какъ существѣ высшемъ природы и управляющемъ ею. Эта разлитая повсюду міровая разумность начала собираться и сосредоточиваться въ отдѣльныя духовныя существа. Первою ступенью такой собранности или сосредоточенности и первою формою духовнаго бытія явилась *душа міра*. Это уже нѣчто отличное отъ міра, хотя и проникающее собою весь міръ, не отвлеченная идея міроваго порядка, но живое начало этого порядка въ мірѣ. Она одушевляетъ міръ и управляетъ имъ. Міръ есть великое одушевленное существо. Все разумное въ мірѣ, вся правильность и закономѣрность его дѣйствій возведена къ душѣ міра, какъ къ своему ближайшему основанію. На этой ступени представленія

человѣческія души суть пока еще части этой міровой души. Очевидно, что и тутъ еще не могло быть рѣчи о безсмертіи человѣческаго духа. Наконецъ Платонъ отдѣлилъ человѣческую душу отъ міровой души, какъ свободную и нравственно-отвѣтственную сущность. Такъ, мало по малу, душа сознана и понята, какъ особливая, нравственно-свободная сущность въ мірѣ, и безсмертіе сдѣлалось существенною формою ея бытія. Жизнь и смерть проходятъ и переходятъ одна въ другую, но въ центрѣ этого движенія остается душа, какъ неизмѣнно-пребывающее начало.

Мы дошли до заключительнаго слова греческой философіи: но оно не было тѣмъ, чего желалъ и можетъ желать человѣкъ. Человѣкъ желаетъ личнаго безсмертія; но безсмертіе духа еще не есть безсмертіе лица. Понятіе лица обнимаетъ собою все содержаніе жизни духа, связанное единствомъ и тождествомъ сознанія. Для меня вовсе не желательно безсмертіе, въ которомъ я перестану быть тѣмъ же лицомъ, потому что это буду ужъ не я. Но точно также меня мало удовлетворило бы и то безсмертіе, въ которомъ сбереглись бы только пріобрѣтенія моей умственной жизни подъ формою понятій; но потерялось бы все то, чѣмъ эти понятія прикрѣплены къ жизни— воспоминанія, чувства, привязанности и проч. Между тѣмъ греческая философія этой идеи, идеи лица, невыяснила и отъ того безсмертіе ея безжизненно. Признавая Божественное происхожденіе души и ея высокое предназначеніе, философія сосредоточила эти качества не вообще въ душѣ, а въ той одной, хотя и высшей части ея, которая какъ сама происходитъ изъ сверхчувственнаго міра, такъ и обращена къ

этому міру. Два великіе философа древности—*Платонъ* и *Аристотель* — производятъ отъ Бога только *умъ* — Платонъ, какъ силу познанія и дѣятельности; Аристотель только какъ силу познанія вѣчныхъ истинъ. То, что мы называемъ областью сердца и желаній—воспоминанія и привязанности,—эта измѣнчивая, но въ тоже время самая привлекательная сторона жизни, отнесена къ смертной душѣ и погибнетъ вмѣстѣ съ нею. Такимъ образомъ воспоминаніе небеснаго переходитъ въ жизнь вмѣстѣ съ душою и оживляетъ ее, но воспоминаніе земнаго, привязанности, желанія, не переходятъ въ небесную жизнь. Это у Платона. Аристотель съузилъ еще болѣе сферу вѣчнаго въ человѣческомъ духѣ. Поставивши нравственную дѣятельность человѣка въ зависимость не отъ ума, но отъ благоразумія, онъ сосредоточилъ первый только на теоретическомъ познаніи и усвоилъ вѣчное бытіе только тому, что составляетъ сферу понятій, область спокойнаго и безстрастнаго созерцанія. Такимъ образомъ безсмертіе усвоено не только не всему человѣку, но даже и не всей душѣ, но только уму. Это безсмертіе не духа, но понятій, отвлеченныхъ образовъ, отвлеченнаго мышленія, если угодно — философіи, но не жизни. На этомъ закончила древняя философія въ отношеніи къ нашему вопросу.

4) Заслуга греческаго міра велика. Онъ отдѣлилъ душу отъ природы, возвысилъ ее надъ природою, указалъ ей иное назначеніе и иную судьбу. Сознаніе того, что возвышаетъ душу, всегда было присуще греческому уму. Въ томъ числѣ идея безсмертія была одною изъ свѣтлыхъ звѣздъ на горизонтѣ греческаго міра. Но онъ не выяснилъ вполнѣ идеи лица, откуда

и произошла его односторонность. Тѣмъ въ большемъ величіи является предъ нами христіанство, которое признало права человѣческаго сердца и не только не сравняло его съ теоретическою стороною, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже возвысило его надъ этою стороною по его значенію въ духовной жизни, и самаго Бога назвала не созерцающимъ умомъ, но любовью — названіемъ заимствованнымъ отъ свойствъ сердца.

Сообразно съ этимъ христіанство усвоетъ безсмертіе всему человѣку, не только уму, но и сердцу и его привязанностямъ, распространяя его притомъ и на тѣло, какъ на необходимо соединенное съ духомъ въ понятіи человѣка и участника его нравственныхъ подвиговъ.

Такимъ образомъ къ великимъ усиліямъ хотя и слабаго человѣческаго ума пришло на помощь слово Божіе. Истина естественнаго ума получила освященіе божественное. Надежды сердца нашли опору въ голосѣ вѣры, имѣющемъ авторитетъ божественный.

Вѣчно стремящійся къ свѣту истины и добра человѣческій духъ назадъ нейдетъ и не отказывается отъ того, что одинъ разъ, послѣ долгихъ, вѣковыхъ трудовъ и усилій, онъ понялъ и принялъ какъ истину. Онъ никогда не откажется, онъ не можетъ отказаться и отъ безсмертія въ полномъ смыслѣ христіанскаго понятія о немъ. Тѣ явленія, въ особенности новой философіи, которыя имѣютъ, по видимому, отрицательный характеръ въ отношеніи къ этой истинѣ, показываютъ только недостаточность принциповъ, которыми различные философы хотятъ обнять и объяснить всю полноту бытія — конечнаго и безконечнаго. Но

изъ односторонностей слагается доступная уму полнота истины и отрицательные пути, если только они идутъ изъ пытливаго ума, а не изъ сердца порочнаго, столько же ведутъ къ одной и той же цѣли—къ истинѣ, какъ положительные.

Вотъ тѣ мысли, которыя я счелъ долгомъ изложить въ изъясненіе и оправданіе основныхъ положеній моего сочиненія, съ которыми имѣю честь явиться на вашъ судъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки